

Ляпун С. В.

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В СИСТЕМЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 135-138. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

нальный фактор, фактор социализации личности, интерес, задача, где интерес носит эмоциональный характер, а задача - рациональный, и т.п.).

Язык представляет в распоряжение говорящего целый арсенал инструментов категоризации, позволяющих репрезентировать один и тот же объект по-разному, в зависимости от выбранной точки зрения, под давлением факторов, составляющих субъективность индивида. Еще раз повторим, что к ним относятся эмоциональное состояние, ситуация, задача, возраст, пол, профессия, образование, культурный уровень, национальная принадлежность, социальный статус. В процессе реализации своего речевого замысла мы всякий раз делаем выбор языковых средств. Кубрякова Е. С. отмечает, что «существование клише, готовых обрывков текста, ритуальных оборотов, образцов в нашей памяти не вызывает никакого сомнения, но также несомненно и то, что из имеющейся совокупности мы должны выбрать одно, и уже в этом проявляется известная свобода речевых поступков человека, т.е. все зависит от типа речи, от условий акта общения, от языковой личности» [Кубрякова 1991: 76]. Другими словами, мы можем говорить о закреплении следов предшествующего опыта в языке и о репрезентации субъективности лексико-стилистическими средствами.

Прибегая к использованию определенного комплекса языковых средств, реализующих некую когнитивную категорию, мы тем самым акцентируем внимание на какой-то одной, существенной с нашей точки зрения, стороне предмета и затемняем все прочие аспекты нашего опыта, неактуальные в свете конкретного речевого замысла. Автор высказывания всегда предстает как носитель своего субъективно-эмоционального видения и восприятия мира. Поэтому уже «в процессе порождения текста проявляется двойственность авторского мировосприятия и способов его вербализации» [Ионова 2003: 123].

Таким образом, в процессе категоризации, с учетом факторов, составляющих субъективность индивида, происходит выбор тех или иных языковых единиц. Данные единицы участвуют в формировании индивидуального и неповторимого стиля говорящего, который является репрезентацией особенностей субъективности индивида через субъективность восприятия окружающей действительности.

Список использованной литературы

1. **Алефиренко Н. Ф.** Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. - Волгоград: Перемена, 2003. - 96 с.
2. **Гетманова А. Д.** Учебник по логике. - 2-е изд. / А. Д. Гетманова. - М.: ВЛАДОС, 1994. - 462 с.
3. **Жинкин Н. И.** Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. - М.: Наука, 1982. - 159 с.
4. **Ионова С. В.** Роль эмоций в процессе текстообразования: Структурно-семантический аспект // Эмотивный код языка и его реализация: Коллективная монография / Отв. ред. В.И. Шаховский. - Волгоград: Перемена, 2003. - С. 120-134.
5. **Красных В. В.** Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций / В. В. Красных. - М.: ИТДГК Гнозис, 2001. - 270 с.
6. **КСКТ** - Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. - М.: МГУ, 1996. - 246 с.
7. **Кубрякова Е. С.** Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. - М.: Наука, 1986. - 159 с.
8. **Кубрякова Е. С.** Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнорович, Л. В. Сахарный. - М.: АН СССР, 1991. - С. 72-90.
9. **Лакофф Дж.** Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике / Пер. с англ. / В. В. Петров, В. И. Герасимов. - М.: Прогресс, 1988. - Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. - С. 2-52.
10. **Леонтьев Д. А.** Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. - М.: Смысл, 1999. - 496 с.
11. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. - М.: Просвещение, 1958. - Т. 1-2. - 516 с.
12. **СПП** - Словарь психолога-практика / С. Ю. Головин. - 2-е изд., перераб. и доп. - Мн.: Харвест, 2001. - 976 с.
13. **Фрумкина Р. М.** Психолингвистика: Учеб. пособ. / Р. М. Фрумкина. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 320 с.

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В СИСТЕМЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Ляпун С. В.

Адыгейский государственный университет

В речевой структуре современного газетного текста стилистически значимыми являются не только вербальные средства, но и невербальные. Так, обращает на себя внимание активное использование средств графики, которые так же эффективно способны выполнять поставленные журналистом задачи. Актуальность исследования графических средств обусловлена с тем, что, с одной стороны, они демонстрируют типичные особенности современной газетной публицистики, а с другой стороны, эти средства служат показателем идиостиля автора-публициста, его умения творчески работать со всеми приемами создания выразительности и оценки.

Следует заметить, что стилистические приемы, связанные с возможностями графики (и орфографии), далеко не всегда рассчитаны на массовую аудиторию, их декорирование нередко предполагает весьма вдумчивое отношение читателя к передаваемой информации. И даже если графические приемы сразу становятся заметными, они тем не менее требуют от читателя интеллектуального напряжения, позволяющего раскрыть

графический код текста. При рассмотрении стилистических возможностей средств графики особенно репрезентативными оказываются те периодические издания, в которых содержится немало материалов личностно-публицистического характера - именно в таких публикациях прагматическую нагрузку несет и графический уровень текста. Основой нашего исследования послужили популярные и в то же время авторитетные издания - «Новая газета», «Комсомольская правда» и т.д.

Необходимость изучения используемых в публицистике графических средств очевидна. Во-первых, по сравнению с вербальными единицами, которым посвящены многочисленные работы, они наименее исследованы, а во-вторых, их актуализация в текстах СМИ свидетельствует о том, что в настоящее время в системе стилистических ресурсов публицистики происходят изменения, вызванные влиянием языка художественной литературы на газетную речь. Графический код текста обычно изучается в контексте исследований особенностей литературного творчества того или иного писателя (поэта). Теперь же, когда средства графики перешли в активный фонд стилистических ресурсов СМИ, назрела необходимость проанализировать их стилистический потенциал и выявить возможности графического уровня в создании прагматического эффекта. На наш взгляд, решение этой проблемы будет способствовать более глубокому изучению специфики современной журналистской деятельности, где автор предстает не только как рупор своего издания, но и как самостоятельная языковая личность, которой присуще стремление к индивидуальности стиля, к свежим и оригинальным средствам выражения своей позиции.

Стилистические приемы, основанные на графических средствах, ученые объединяют термином «графон», под которым подразумевается стилистическая фигура, построенная на значимом отклонении от графического стандарта и / или орфографической нормы. Как полагает известный исследователь в области стилистики и риторики А. П. Сковородников, необычные, но мотивированные контекстом написания (или начертания) слов на фоне графического и орфографического стандартов приобретают прагматическую нагрузку - экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную и т.п. [Сковородников 2005: 106]. Наиболее распространенными средствами графического выделения слова (или его части) являются курсив, дефисация, кавычки, прописные буквы вместо строчных или наоборот, элементы иных знаковых систем, отклонение от орфографической нормы, а также совмещение вышеуказанных способов в различных комбинациях. Как видим, стилистически значимые средства графики весьма разнообразны, но в данной статье мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Прежде всего отметим графические окказионализмы, частотность употребления которых в первые годы перестройки оказалась столь высокой, что под влиянием ярко выраженного стремления к словотворчеству сложилась определенная тенденция стилистической моды. Сейчас, когда массовое увлечение окказиональными словами, созданными с помощью шрифтового выделения какого-либо сегмента слова, пошло на спад, следует констатировать, что данный стилистический прием, который по-прежнему занимает прочные позиции в стилистике СМИ, действительно обладает высокой прагматической силой, если, конечно, им не злоупотреблять и учитывать речевую ситуацию. В качестве примеров, демонстрирующих творческий подход к использованию разного размера шрифтов, хотелось бы привести графические окказионализмы, вынесенные в заглавия материалов «Новой газеты» (далее - НГ): *КриминоГЕНЫ. У серийных убийц на 1 хромосому больше (НГ. 31.05.04)*; *ГРУбая работа. Неизвестные подробности провала российских разведчиков в Катаре (НГ. 29.04.04)*.

Отклонение от графического стандарта вызвано тем, что выделенный с помощью прописных букв сегмент слова вне данного контекста является языковой единицей с самостоятельным лексическим значением, и адресат, быстро разгадав намерение автора, тотчас становится заинтересованным читателем, ибо данная разновидность языковой игры обладает значительной силой воздействия на интеллектуальное восприятие заглавия и соответственно содержания текста: *Имидж подМОК (НГ. 1.03.07)*. Здесь речь идет о том, что, судя по заключению оценочной комиссии МОК - Международного олимпийского комитета, имидж Сочи (теперь уже столицы зимней Олимпиады-2014 - С.Л.) *подмок*.

Наблюдения показывают, что в результате нарушения графических норм стилистически маркированная языковая единица получает контекстуальную эмоционально-оценочную окраску, которая, кстати сказать, бывает противоположной по отношению к узальной: *ЗемлеДЕЛЬЦЫ (НГ. 11.09.06)*. Исходя из названия публикации можно предположить, каким будет содержание материала. Речь идет о том, что *в центре кубанской столицы федеральная земля превратилась в частную. Незатейливая манипуляция со сменой нескольких собственников привела к тому, что деньги от продажи прошли мимо бюджета*. В приведенном примере графическая игра сопровождается переносом ударения, так что *земледёльцы* и *земледельцы* выступают как омографы.

Вообще игра со шрифтами нередко обусловлена звуковой перекличкой между языковыми единицами, входящими в речевую структуру газетного текста, причем одна из них актуализируется не только в заголовке, но и подзаголовке, что дает возможность читателю сразу понять, о чем намерен говорить автор: *ВТОр-сырьё? Евросоюз готов пустить Россию в ВТО. Пора подумать, как слезть с сырьевой иглы (НГ. 27.05.04)*; *ГАРАЖане. Краснодар задыхается не только в пробках, но и от отсутствия цивилизованных гаражных стоянок (НГ. 24.12.07)*.

Графическое выделение одного из сегментов окказионального слова придает заглавию эмоционально-оценочный характер, который соответствует общим тенденциям в освещении событий российской жизни и поэтому чаще всего является негативным: *Нам сделают ОБРЕЗование (НГ. 28.06.04)*. Нетрудно догадаться,

что журналист, обращаясь к графическому коду, сигнализирует читателю о том, что расходы на образование будут урезаны.

Теперь рассмотрим прием, когда вместо строчных пишутся прописные буквы, что связано уже с нарушением орфографического стандарта. Надо сказать, что данный прием по сравнению с предыдущим встречается реже, и оттого его воздействующая сила оказывается весьма значительной. Следуя давним традициям российской публицистики, авторы используют этот прием для того, чтобы придать речи возвышенную тональность, причем не формальную, а убедительно-искреннюю. Написание нарицательного имени с прописной буквы обычно встречается в контексте журналистского рассуждения о понятиях, связанных с нравственностью или с демократией: <...> *Очарованные плодами Запада и жадно желающие ими овладеть, наши скифские правители с высокомерным презрением отвергают корни западной цивилизации, ее воздух, ненавистный им воздух Свободы и Человеческого Достоинства (НГ. 05.04.04)*. Таким образом, наш материал подтверждает мнение ученых о том, что графические средства весьма эффективны в плане выделения эмоционально-экспрессивных значений, возникающих в контексте [Тетеревятникова 1998: 22].

Необходимо заметить, что в современной газетной публицистике прописная буква в нарицательных именах используется и с целью акцентирования каких-либо отрицательных качеств. Такой прием показывает резко негативное отношение автора к описываемым явлениям: *Среди пороков взрослых есть еще один, наверное, самый опасный - Равнодушие (НГ. 13.12.07)*.

Нарушение орфографической нормы, во-первых, привлекает внимание читателя, а во-вторых, служит приемом повышения оценочной нагрузки на выделяемое слово и, наконец, усиливает личностное начало в тексте. Анализируя материал нашего исследования, который представляет аналитическую публицистику, мы находим весьма интересные примеры, убедительно свидетельствующие об эмоционально-экспрессивном, оценочном отношении автора к написанному. В частности, употребление нарицательного существительного в значении собственного имени трансформирует значение стилистически выделенного слова, переводит его в разряд абстрактных единиц. Например, материал под заглавием «Гражданин и Бюрократ» (НГ. 13.12.07) сопровождается таким пояснением: *Есть надежда, что в скором времени права этих явно неравных силовых категорий могут уравниваться*. Графические средства здесь выполняют не только семантическую функцию, но и изобразительную, демонстрируя равное положение пока еще неравных категорий.

В эмоционально-оценочном контексте возможен и «обратный» прием - употребление строчной буквы вместо прописной, что, как правило, усиливает негативные коннотации и придает им пренебрежительный оттенок. Этот прием нередко используется для того, чтобы дискредитировать оппонентов, и поэтому подобные написания обычно встречаются в политических текстах: *Нас предали: тулеевы, ходыревы, ткачевы и иже с ними, но почему-то об этом мы прямо не сказали нашим избирателям <...> (Советская Россия 12.12.03); Рулит страной рвутся шариковы (Советская Россия. 7.12.03)*.

Прописными буквами может выделяться и синтаксическая единица. Так, рассказывая о судьбе Вали Исаевой (в 11 лет она стала мамой), которая вынуждена терпеть побои от своего «супруга», продолжающего развращать несовершеннолетнюю, журналист Я. Танькова восклицает: «ПРЕСТУПНИК ДОЛЖЕН СИДЕТЬ В ТЮРЬМЕ» (Комсомольская правда. 25.12.07). Акцентируя таким образом свою позицию, автор одновременно свидетельствует, что глубоко убежден в своем мнении, которое, кстати сказать, кардинально отличается от позиции тележурналистов, увидевших в этой ситуации не преступление, требующее сурового наказания, а приятную романтику. Обнаружив смысловую переключку между данной цитатой и цитатой из широко известного кинофильма, перешедшей в разряд крылатых выражений («Вор должен сидеть в тюрьме») следует предположить, что благодаря графической маркировке аллюзия к ситуации борьбы за справедливость, за то, чтобы преступник понес наказание, становится значимой не только в стилистическом отношении, но и в идейно-нравственном, ибо вышеприведенное мнение журналиста и есть главная идея его материала.

Интересно заметить, что творческий подход к использованию различных графических знаков рождает столь оригинальные находки, что их невозможно повторить и тем более сделать из них штампы. Например, журналистская ситуация, связанная с контролем над прессой, когда на роль цензоров в России претендуют коммерческие структуры, реализуется в графической игре, имплицитный смысл которой формируется под влиянием названия газеты «Коммерсантъ»: *«Альфа» с твердым знаком (НГ. 14.10.04)*. Актуализация старой орфографической нормы демонстрирует одну из характерных тенденций СМИ - стремление к книжности речи, прежде всего свойственной аналитическим жанрам, привлекающим образованных читателей.

Рассмотрим другой прием, тоже свойственный письменной форме речи. Это - курсивное выделение языковых единиц, получающих повышенную смысловую нагрузку в контексте журналистского рассуждения о каких-либо событиях или явлениях. Будучи приемом субъективации изложения, данный прием не случайно используется в тех текстах, где роль авторского «я» считается довольно высокой. В публицистике, как и в художественной литературе, курсивное выделение относится не только к лексическому, но и к синтаксическому уровню.

Анализ нашего материала свидетельствует о том, что в современной газетной публицистике этот прием выполняет семантическую функцию, поскольку с его помощью маркируются языковые единицы, имеющие несомненную важность в раскрытии основной мысли комментария. Например, автор материала под заглавием «Профессия - непрофессионал» С. Рассадина критически оценивает участие так называемых «звезд» в

различных шоу, никак не связанных с их родом деятельности. Так, он рассуждает о том, почему с телевидения ушли *профессионалы* (выделено нами - С.Л.): «Но, скажем, Леонид Парфенов... Не упомяну, может и случилось у него какое-то несовпадение с властью, но, полагаю, его решающий грех - то, что он *умеет*. Что - *мастер*» (НГ. 21.11.07).

Обращение к курсиву является мотивированным и в стилистических целях. В частности, таким образом журналист маркирует языковые единицы, создающие каламбурные высказывания. В материале «Три дня репортажа» журналист З. Ерошок приводит цитату, принадлежащую известному литератору: «Никто *не говорит* о том, о чем *не говорят*», - заметила Лидия Гинзбург (НГ. 17.12.07).

В нашем материале встречаются и примеры последовательного курсивного выделения тех фрагментов текста, которые указывают на точку зрения автора-публициста, выступающего как аналитика. Например, считая, что сериал «Ликвидация» снят по законам кино, обозреватель А. Боссарт делает логическое ударение на том, что в этом сериале «*психологический* розыгрыш партии «сыщик Гоцман - маршал Жуков». Не кто кого сберег, и даже не за кем правда. А - *два лица правды*, два ее генезиса». С помощью курсива здесь выделяется языковой повтор, акцентирующий внимание читателя на том, как оценивает журналист актеров, занятых в сериале: «Один из персонажей фильма слепой старик-психиатр, пытающийся описать главного злодея, говорит о нем: «Человек без лица... Он может быть всяким, его нельзя узнать...» Да, в десятках фильмах, где снимался этот актер, у него лица нет. А здесь есть. Чудесно *никакое*. Многообразно, выразительно, точно *никакое*. Зато *какие* остальные...» (НГ. 20.12.07). В приведенном примере, как и во многих других, графон выступает в составе стилистической конвергенции, обеспечивающей повышенную экспрессивность текста.

Из всего сказанного следует вывод о том, что графические средства являются неотъемлемой частью системы стилистических ресурсов современной газетной публицистики, максимально использующий возможности письменного языка.

Список использованной литературы

1. **Сковородников А. П.** Графон // А. П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. - М.: Флинта, 2005. - С. 106-109.
2. **Тетеревиатникова Н. Ф.** К вопросу о графических средствах выражения невербализованного коммуникативного смысла // Н. Ф. Тетеревиатникова // Филология и журналистика в контексте культуры: Материалы Всероссийской научной конференции. - Ростов-на-Дону, 1998. - Вып. 4. - С. 21-22.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ДОМАШНИХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

Ляценок О. А.

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

В последние годы резко увеличивается интерес к изучению иностранных языков, вызванный серьезными изменениями в общественной жизни России в постсоветский период. Процесс глобализации общества, развитие средств коммуникации побуждает людей посещать разнообразные языковые курсы или прибегать к услугам частных преподавателей. В сложившейся ситуации целесообразным представляется обратиться к опыту домашнего наставничества, существовавшего в России на протяжении XVIII - начала XX вв. Наиболее значимым здесь можно выделить период XIX - начала XX в., поскольку до этого времени домашнее образование в России не контролировалось государством и носило, по большей части, стихийный характер, а после 1917 года акцент сместился в сторону репетиторства.

Конец XVIII - начало XIX в. были отмечены нежеланием дворян отдавать детей в учебные заведения, и даже указ 1809 года, требовавший для получения выгодной служебной должности непременно наличия университетского диплома, не смог изменить ситуацию: дети продолжали обучаться дома, а программа гимназического курса сдавалась экстерном университетской комиссии. Одновременно с этим, представители иных сословий предпочитали домашнему образованию гимназическое, как дающее не только хорошую должность, но и «льготы в дальнейшей службе» [Шевелев 2003: 187]. К концу XIX в. ситуация изменилась на диаметрально противоположную: дворянство обучало детей в гимназиях и благородных пансионах, превратив институт домашнего наставничества в институт подготовки к гимназии, а низшие сословия, по большей части, не имевшие возможности обучать детей в гимназиях из-за ограниченного количества мест, были вынуждены обходиться домашним обучением.

В первой половине XIX в. домашнее обучение иностранным языкам осуществлялось, в основном, иностранцами без профессионально-педагогической подготовки, преподавателями различных учебных заведений, священнослужителями, студентами университетов, старшими учащимися гимназий и пансионов, непосредственно родителями и даже образованными слугами. В зависимости от уровня образованности, социального положения и вероисповедания одни из них становились домашними наставниками либо учителями, другие - гувернерами или боннами.

В 1812 г. Министерство Народного Просвещения издало постановление, согласно которому запрещалось принимать в качестве домашнего наставника или домашнего учителя «иностранцев обоего пола», не про-